

МИФОТВОРЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В.М. Русаков

**Русаков Василий
Матвеевич**
доктор философских
наук, профессор,
зав. кафедрой общих
гуманитарных
дисциплин Института
международных связей

Просветительские плоско-рационалистические представления о мифе и мифологическом сознании потерпели крушение еще во второй половине XIX в.: обширный этнографический материал говорил о всеобщности мифа в истории народов; обращение исследователей к массовому поведению и сознанию обнаружило поразительную живучесть мифа; исследования фетишизма явно выводили представления о мифе за пределы «сказок и легенд». К.Маркс в своих «теориях прибавочной стоимости» далеко продвинул представления о так называемых объективно-мыслительных формах, носящих иррационально-превращенный характер. Прежняя упрощенная картина прямолинейного движения человеческого сознания «от мифа к логосу» обнаруживала свою несостоятельность.

В XX-ом веке ситуация еще более осложнилась, поскольку стало ясно, что миф – не просто сложное синкретическое явление, имеющее социально-исторический характер, но и мощный пласт современной реальности, властно вторгающийся в различные сферы нашей жизни (массовое сознание, реклама, пропаганда, политическая и художественно-практическая деятельность и т.п.). Стало ясно, что научно-теоретическое сознание вовсе не столь диаметрально противоположно и несовместимо с мифологическим, как это казалось недавно. Это открытие на некоторых представителей научного сообщества произвело такое сильное впечатление, что они утвердились в мысли, что между наукой и мифом вообще нет принципиального различия.

Наиболее очевидна связь мифа и научно-теоретического познания при рассмотрении науки как сложного социально-исторического явления или социального института. Институционализация научного познания исторически и логически включает

в себя реликты множества процедур и практических действий, которые давно превратились в схематизмы, ритуалы и обряды (научные авторитеты, ученые степени и звания, защиты диссертаций, научные школы, объединения, организации и т.п.).

В рамках научных сообществ складываются сложные системы действий, совершаемых по строго определенным правилам и схемам, имеющих непререкаемый характер: предписания, запреты, правила, процедуры. Разумеется, в отличие от религиозно-мифологических практик, предполагается, что эти правила и предписания имеют рациональный сознательно-контролируемый характер («объективность», «проверяемость», «логическая правильность», «доказательность»). Однако на деле мы видим выдвигание весьма сильного допущения об их применимости и строгой определенности.

Кроме того, познавательный процесс в себе содержит целый ряд аспектов, имеющих мифопорождающий характер, ибо научное знание неизбежно включает в свой состав не только доказанное и проверенное знание («научные факты»), но и известное количество суждений, истинность которых постулируется без рационально-логических процедур, базируется на интуиции и уверенностях (допущениях). Другими словами, эти положения «авансом» наделяются несвойственными им чертами истинности, адекватного, исчерпывающего объяснения. Понятно, что это подразумевает самую тщательную рефлексию над всякого рода такими «допущениями», их скрупулезную «инвентаризацию» для того, чтобы возможно более отчетливо очертить границы их применимости и действительности. На деле такие схематизмы выступают, скорее, как регулятивные принципы, нежели предметы, имеющие четко определенное содержание и границы.

В свою очередь, осознание этого обстоятельства неизбежно ставит более фундаментальную проблему специального исследования способов задания, порождения предмета (и вообще – предметности, предметных областей) научного исследования. Не случайно, в математике это, например, осознается как конкуренция двух основных способов задания (построения) предмета – интуитивный и конструктивный. Порождение предмета – задание его или конструирование – совершается еще и при помощи фантазии, «продуктивной силы воображения» (источник которой, кстати сказать, И.Канту представлялся необъяснимым).

Итогом подобной активности в теоретическом познании выступают целые «теоретические миры» (предметные области), по меткому замечанию Дж. Холтона населяемые множеством невероятных персонажей (например, «корпускулы», «абсолютно черное тело», «теплород», «кварки», «очарованные» и «странные» частицы), отношения которых описываются при помощи нарративных схем, мало чем отличных от тех, что применяют жители сельской глубинки. И когда подобные «миры» начинают жить своей особенной самостоятельной жизнью в рамках и при посредстве различных институций, тотчас воспроизводится универсальная и древняя схема «саморассказывающего» и «самообъясняющего» все и вся мифа.

Действительно, в мифе нет проблем (изучения чего-либо), в мифе абсолютно все есть и там все изначально объяснено. По этой же схеме складывается современный миф о «всесилии» науки: она все объясняет, она все может.

Процесс последующего «оформления» творческой активности познания неизбежно проходит стадию образа, синкретического целого, в котором слиты существенное и преходящее, абстрактное и конкретное, всеобщее и единичное, чувственное и рациональное. Разумеется, образ в теоретическом познании подвергается целому ряду процедур обработки, пока из него не будут вычленены те или иные компоненты и не определены их функции и статус. Здесь, как известно, особенную роль играет метафора – «образ с двумя смыслами», по выражению О.Фрейденаберг: «то, что находится в действии, уподобляется тому, что заключено в рассказе», процедурам, действиям по правилам ставится в соответствие некая конструкция описания. Сами по себе эти части еще ничего не объясняют, никакого существа дела, но только их соотношенность (в частности это реализуется в процедурах именовании). А это и есть схематизм мифа: у древних греков всякий рассказ назывался «миф», т.е. то, чего в действительности нет – «правдивая история», «быль».

Двучленная метафора идет от двух смыслов к единству иносказания. «Одно» рассказывается с помощью «другого» («метр есть длина волны, излучаемой...»). Но когда начинает «работать» схематизм научной метафоры, субъектно-личностное

начало тщательно устраняется из «продукта»: в готовом, ставшем научным знании скрупулезно «вытравлены» всякие следы индивидуально-личностного («наука доказывает», «сила прямо пропорциональна...» и т.д.).

В метафоризации форм научного знания таится мощный ресурс их мифологизации. В совсем недавней истории науки мы можем видеть претензии на всеобъясняющую силу последовательно выдвигавшихся новых категорий: например, категорий «система», «структура», «текст», «грамматика», «дискурс» и т.п.

Марксизм XX-го века весьма глубоко сформулировал проблему соотношения научно-теоретического и мифологического сознания. В.И. Ленин, подчеркивая гносеологическое значение категорий, писал: «Перед человеком сеть явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т.е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» (Полн. собр. соч., т.29.с.85). Но именно здесь, в процессе образования категорий, т.е. абстракций – происходит «отрыв» от реальности, возникает возможность обеднения и искажения представлений о реальности, поскольку «подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (=понятие) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того, возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию... ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее... есть известный кусочек фантазии» (там же, с.330). Научно-теоретическое познание справляется с негативными последствиями подобного отрыва путем введения рационально-контролируемых процедур рефлексии над способами и приемами абстрагирования.

Позитивным итогом рассмотрения этой сложной связи мифологического и рационально-теоретического является вывод о том, что связь эта носит универсальный и в то же время исторический характер.